

свободное пространство

Марина Мстиславовна, Любовь Андреевна и «В. Ш.»

Общая газ. - 1998. - 19 - 25 марта. - с. 16

А и я: «...А в Париже я на воздушном шаре летала».

А. Чехов. «Вишневый сад»

Слава, как усы. Примерный человек каждому мужчине. Гладишь, иному и к лицу. Женщине же напротив: усы решительно не к лицу, хотя и обращают на себя внимание. Фантазия славы женщина выживает сочувствие, и тому же, где-нибудь да отыщется добродетель, который беспробудно скрежет: А мне ведь помнил ее молодой, душой девченкой...

Дальше я прочту вслух, чтобы вы не напрягались:

«Слава может быть постоянной, как долги, или скоротечной, как случайные деньги. Скорая и шумная, она хоть и граничит с приличием, но уже с другой стороны».

Всемирной же славы у порядочных людей не бывает вовсе. Зато бывает признание, то есть знак признательности и благодарности за обретенную всеми (зачеркнуто), большинством (зачеркнуто), разумной частью людей возможность познать себя и мир, насладиться мудростью, искусствами, науками... Словом, за добавления к тому миру, что оставил нам Создатель».

Оценка же твоего достоинства укрывается в сердцах друзей, тихих почитателей, трезвых, впрочем, и профессионалов узкого круга, огражденного от круга широкого чувством меры и вкуса».

«Известность по качеству» — так трактовал славу мой добрый знакомый Владимир Иванович Д. Качества же, как вероломство, властолюбие, жестокость, много заметнее для народов против скромной доброты, или, пусть великого, но частного таланта человека, рождающего мысль и образ, или создающего хлеб и дом. Здесь для восприятия надобно участие, то есть усилие над собой. А там лишь вообрази себя корыстным разрушителем или негодяем и следуй за подобным. Проще и заразительней».

Вот мировая слава: «Молва, общее мнение» — не важно и какое. Как тут без большой пакости?

В. Ш.»

Перед вами страница рукописи, лежавшая в обгоревшей гондоле, сплетенной из ивовых веток, найденной нами с моим другом Всеволодом Михайловичем Арсеньевым, фотографом и журналистом, близ разрушенной плотины на речке Руна в Тверской губернии, где мы ловили окуней. Иных по тридцати граммов (каждый). По всей вероятности, записи принадлежали воздухоплавателю и философу, и, хотя к предполагаемому замкетам о Марине Мстиславовне Неёловой они прямого отношения не имеют, я решил опубликовать текст «В.Ш.» (как значилось на бумаге в правом нижнем углу), поскольку испытываю признательность к таланту этой современной нам актрисы, тем более что неподалеку от гондолы Арсеньев нашел фотографию, на которой была изображена женщина в длинном платье, сидящая у круглого белого столика. И она же на скамье с книгой на другой, мокрой от росы карточке. Чем-то эта женщина (точнее решительно всем) напоминала Марину Мстиславовну.

Позади виднелись цветущие деревья (вишневые, как нам казалось) на фоне старой усадьбы. Строение выглядело не новым и не русским. Женщина смотрела мимо объектива и позитив снимающего не видела.

К воротнику платья, изображенного на карточке, покрытой росой, прилип реальный листик брусники, я снял его (как оказалось, вместе с частью изображения) и не глядя отдал фотографию Арсеньеву.

— Ну ты хорош! Вместе с эмалью отдал. Ну, Юрий! — Он положил картинку на солнце. — Что там было?

— Вишневый сад.

Разговор о нем шел давно, и Марина Мстиславовна боялась его. Она уже играла в прошлой версии «Современника» Ано. Это была не ее роль. Потому она мучилась страшно, не любила эту Ано, не любила себя, не любила спектакль. Само словосочетание «Вишневый сад» вызывало в ней ощущение какой-то беда...

Галина Борисовна Волчек предложила ей сыграть Анину маму — Любовь Андреевну Раневскую, которую Марина Мстиславовна тоже не любила.

Она жила с мужем и дочерью в Париже. Время от времени приезжала в Москву, на Чистые пруды, играть в театре и репетировать. Возвращения не вызывали у Марины Мстиславовны никаких особенных чувств, ибо ностальгия она не испытывала.

«Мой старый пруд... Мой милый добрый театр...» — этого не было.

Ей говорили, что зря она превратила свою актерскую карьеру, что она попусту потеряет пять лет и надолго выпадет из такой бурной и насыщенной москов-

ской жизни. Однако в эту самую жизнь она никогда и не впадала, за пять лет она, возможно, и не сыграла бы больше ролей, чем сыграла наездами из Парижа, а что до карьеры — много ли она прибавит к тому, что уже обрела?

Нет, нет. Музеи, книги на балконе, дочь на велосипеде, коричневая собака на зеленой траве, до Трокадеро — три минуты, до Триумфальной арки — пять. Она решительно не считала эти годы потерянными: театр, кино в России, репетиции, спектакли, гастроли и даже премьеры в «Современнике» «Алского сада», который представлялся ей вполне райским в сравнении с нелюбимым «Вишневым».

Между тем спектакль надвигался, и она думала, что не сыграть Раневскую было бы глупо, тем более что она ее себе никогда не воображала, да и не знала лично, и видела лишь глазами Ани и глазами зрителя других Раневских, которых на сцене перебивало немало.

Была весна. Она с семьей отдыхала на даче посольства под Парижем, в Манте, в усадьбе Альфреда Мюссе с замечательной красоты лужайками, парком и старым садом, засаженным вишней, которая к их приезду уже отцветала.

— Представь, Арсеньев, они идут по дорожке, а вокруг пурга.

— Пурга, так-так.

— Это пурга из опадающего вишневого цвета перемещает путь. Вокруг все зелено, а здесь родная метель. Зима: лепестки, как снежинки, ложатся на плечи, ресницы. И хотя они не тают, и хотя это Франция, хотя это не ее дом и не дом Раневской и никто из новых русских не собирается покупать усадьбу Мюссе, она вдруг чувствует невероятное волнение и тревогу.

— Тревогу-то отчего? Ты же говоришь, она не в России.

— Она бежит в дом, распаковывает чемодан, достает Чехова и возвращается в сад. Садится на скамейку, кладет на нее пьесу и, заняв соответствующую тому времени позу, начинает читать.

— Солнце светит?

— Светит.

— Правильно, и тут ее на секунду накрывает круглая тень.

— Откуда ты знаешь?

— На фотографии тень сохранилась.

— Она поднимает глаза и видит монгольера, опускает глаза в текст и начинает плакать. Сразу. Чего совершенно не предполагала. Она знала пьесу наизусть, но, может быть, эта вишневая выгода в чужом имени заставила ее вспомнить о своей жизни, в которой она никогда не существовала. Она стала уединяться и читать свою будущую сценическую судьбу. Впрочем, разве только сценическую? Потом сад оголился. На фоне чужой

зеленой компании он стоял сидел и ждал. Это дало ей новую волну переживания.

— Никудышные у актеров нервы...

— Никудышные. Вживаясь в другого человека, тратишься, а потом то ли он тебя покидает, то ли ты выживаешь его из себя. Точнее, эти выдуманные персонажи сами вытесняют друг друга всякий раз, что-то принося с собой и отбирая.

Беда. Тут только реальные персонажи отбирают, правда, под выдуманное. Ну-ну...

— Она читала, и постепенно у нее возникло ощущение, что она очень хорошо знает эту женщину, понимает ее и симпатизирует. Временами она, поправив очки, смотрела по сторонам, ловя себя на мысли, что этот жест оборонительный. Она охраняла Раневскую, до которой французам не было никакого дела, но, если бы кто посмел ее обидеть, она бы ее защитила.

— Юрий! Ты черев не перевернул? А то расплывется по палатке... Слушай, она что же, такая впечатлительная? Да? Романтичка.

— Да нет, вполне рассудочная, трезвая. Но тем не менее она волновалась за Раневскую, потому что у нее начался с ней роман, который, кстати, продолжается и по сей день в «Современнике». И роман этот развивался по всем законам жанра. Сначала она на нее иначе взглянула, потом проявила интерес (Любовь Андреев-

на привлекла ее), затем стала ждать свиданий с ней. Словом, влюбилась. Неёлова стала открывать в Раневской новые радужные ее качества, и та стала заполняться красками, обрела душу и плоть.

— Плоть? — Ну, плоть, не впрямую. Актер Михаил Чехов говорил, что при работе над ролью у героя сначала появляются отдельные штрихи, из них складывается силуэт, он заполняется подробностями и деталями. Затем рисунок обретает краски, цвет. За ними объем, рельеф, готовую форму, в которую актер входит, воплощает, вписывается, и уже они вместе, или кто-то один, продолжают жизнь. Не один из них, а Некто. Не знаю, кто именно. Так и Неёловой казалось, Любовь Андреевна реально где-то существует и приближается в поисках защиты. И Марина Мстиславовна чувствовала от этой связи необыкновенную нежность, сострадание и любовь.

— То есть она наконец почувствовала счастье.

— Ну да, счастье, но почему наконец? Она и раньше испытывала нежность и сострадание. И любовь... И не только в театре.

— И такие романы с персонажами у нее часто?

— Разные, конечно. Ведь ситуации различны, и люди, слава Богу, не одинаковы. Грамматика одна, но стиль у каждого свой. Эти связи могут быть расплывчатыми, мучительными, на грани

срыва от страсти, и по-семейному ровными. Как в жизни.

— Это сравнение хромает, Юрий. В жизни случается и одна любовь. Говорят.

— Я тоже слышал, Всеволод. Но допустим (пусть с малой степенью вероятности), что у кого-то их было несколько. Все это была любовь, но предмет ее всякий раз — иной. И любовь иная, не похожая на предыдущую. Так и на театре. Сомневаюсь, что Марина Мстиславовна испытывала одинаковые чувства (хотя и любила их) к девочке из «Крутого маршрута».

— Потому что этих и других героинь часто вообще мало что объединяет между собой, и, возможно, они все вместе не имеют ничего общего с Мариной Мстиславовной. На то она актриса, чтобы прожить на сцене три часа их жизни, с достоверностью заставляющей иногда забыть о самой Неёловой, какой бы она ни была.

— Ты хочешь сказать, Юрий, что мне не важно знать, каков актер в жизни?

— Если его личная жизнь не является ампулой, как это теперь бывает, за исключением других ролей — не важно. Что тебе, Всеволод, до частных писем Пушкина. Он писал не тебе.

— Так и не читать?

— Читай. Но прежде прочти «Повести Белкина», стихи, «Онегина», «Медного всадника», «Нулина»...

— Все не перечисляй... — А потом на правах любящего сердца прикоснись, если жаждешь. И защити. И защитись.

«Сюртук мальчишка С модной вытачкой, Тоньше пальчика

В эту дырочку В фалде дырочка.

Мы глядим на свет — Нам на выручку

Кто идет иль нет?

Жил Один Сверчок...

Господи, прости!

Наступил молчок

на Всея Руси».

Это Битов написал. Он любит, знает и защищает...

— Ты рыбу убрал с солнца?

— Убрал... Так вот, Неёлова так устроена, что последний роман у нее самый сильный. Потом, конечно, другая, новая героиня вытеснит или отодвинет верную, и сама Марина Мстиславовна начнет понимать, что прежняя уже мешает. (Там жест прилепился никчемный, там — интонация, которая в новой жизни неуместна.) А оставить их всех нет возможности. И профессия не позволяет, и бросить жалко, и продолжать нелегко. В этом существенное отличие от жизни...

— Юрий! Посмотри мне в глаза.

— ...журналиста. Его герои накапливаются в радость и, даже если они уходят из жизни реальной, остаются в судьбе. Написал — прожил. Напечатал — зафиксировал. Актеру тяжело, почти невозможно вернуться назад в сыгранную роль. Нам перечесть написанный материал легко, и только печаль по ушедшему и непонятному Моменту проживания охватывает порой. Если проследить до конца жизни реально, а не сценической людей, то получится, что они, будучи одновременно и персонажами и зрителями, мало что изменили бы в пьесе, написанной Драма-тургом, но кое-кто из них достойно сыграл свою роль. Единственную. Обогатив классический репертуар — мировой драмы. И что ни пиши во славу духа — все они побеждают временем. Никто не оказался триумфатором. Да и кто, кроме дураков, верит в триумф и наслаждается кажущимся превосходством без неловкости...

— Это ты сам придумал?

— Сам. А что?

— Красиво. Я думаю, ты прочел это в отрывном календаре. Так, дальше...

— Но существуют вершины жизни. Их много, целый массив. Они разной высоты и трудности, и человек идет вперед, не зная, к счастью, конца пути.

И у Любови Андреевны, и у Марины Мстиславовны за спиной биография, но часы отмеряют сколько прошло времени, а не сколько осталось, а тут, вдруг, показавшись предел судьбы. Сближаясь (или, может быть, сливаясь), они вместе оглядывались на жизнь Раневской. Лики ее были эфемерны для окружающих, но ясны и обязательны для нее. Было понятно, что у той ничего не

складывалось. Счастье у Любови Андреевны постоянно совпадает с несчастьем. Только она начинает подниматься и до парения остается немного, как тотчас ветром все свиряет на землю. И что, бросить жизнь? Да ничего подобного: не получается летать — можно бежать. Раневская убегающий, преследуемый человек, сохраняющий при этом надежду. Вдруг да обойдется. Само. Как это может не обойтись? Пострадала, и сейчас же забыла. Жалко терять, а надо. Между мечтами и реальностью выбор в пользу грез. У нее замечательный русский характер — все время рисовать себе картину, нереальную, но подкупающую красотой. Бабочка, летящая на огонь.

— А Неёлова тоже такая?

— Неёлова? Да ничего похожего: полная противоположность, совершенно другой человек, хотя какие-то пересечения, о которых не догадываешься ни одна, ни другая, вероятно, есть. Жизнь ее вне сцены существенно отличается от сценического alter ego. Может быть, она опасается судьбы Раневской и потому так трогательно в ней заинтересована. Чтобы предупредить себя и обезопасить, поскольку спасти Любовь Андреевну не в ее власти. Эти бездумные романы, належлы, потери... Это легкое расставание с льюыми и леньями... Нет, Марина Мстиславовна бережет свои привязанности. Да их у нее и немного: семья, театр, книги и несколько друзей. Неёлова не верит, что все образуется само, Раневская верит. Наверное, Марине Мстиславовне не хватает недостатков Любови Андреевны. На свет! На свет! Просто потому, что там что-то сияет. Как бабочка на огонь. Не задумываясь.

— Комар, Юрий, тоже летит на свет, но о нем никто доброго слова не сказал.

— Поскольку он корыстная тварь и сидит у тебя на лбу, а бабочка...

— Хорошо, а Неёлова не летела, как бабочка?

— Летела, но траекторию полета предполагала, и знала, что обожжется, и ждала этого, и получала. Неожиданного немного в ее жизни, но иногда, к счастью, она способна на ошибку. Правда опыта она, как и Раневская, не обрела, но в отличие от чеховской героини не признавала этого. В спектакле эти две женщины объединились в одну, и начало этого процесса увидел с монгольера этот самый «В.Ш.». А вот кого он снял — Раневскую или Неёлову, — я не знаю. Каждая роль все равно соткана из собственных качеств актера, из того, что в нем заложено где-то в глубине. И в лучшем случае мы не можем их разделить. Станиславский говорил, что актер должен быть адвокатом своей роли, чтобы не отстраняться: это персонаж злодей, ветропых, врун, я ж много лучше, я — другая. Марина Мстиславовна не оправдывается за Любовь Андреевну, она ее любит. Она отвечает за ее поступки, как за свои, соучаствует и грустит над ними, как над своими.

— Нервная работа...

— Временами ей стало мучительно ходить на спектакли, порой просто не хотелось, с утра портилось настроение. По-видимому, за многие годы она к себе притерпелась, привыкла, прижилась к себе, и потому на три часа усталого спектакля перестает быть собой ей казалось насильем.

— Тут годами не бываешь собой, кроме как на плотине с удочкой.

— Проживает человек время. У него свое состояние, взгляд на ландшафт, настроение так себе — словом, со своими заботами проживает, и вдруг, точно в назначенный срок, ты должен все это свое забыть — глаза, руки, мысли (если есть) — и впасть в совершенно другую судьбу, чтобы к десяти вечера, хорошо если под аплодисменты, ее завершить.

— С десяти до шести каждый день и без аплодисментов — напряжение тоже немалое.

— Усилие, Всеволод, необхо-

димо, когда нет любви. А у Марины Мстиславовны к Любови Андреевне она произошла, поэтому свидания их вождельны, а результат... При таких отношениях должен быть и результат.

— И вот сидит она в саду под Парижем, как свидетельствует фотография «В.Ш.», читает пьесу и плачет. Почему?

— Совпадения рождает понимание. Понимание — соучастие. Сидела бы она под Москвой на шести сотках среди одной вишни, не было бы никаких ассоциаций. А так: Раневская продала дачу в Ментоне, Неёловой усадьба Мюссе никогда не принадлежала, но и одной, и другой надо возвращаться в Москву. И этот вишневый снег. Все можно начать с нуля: это ведь оплают лепестки цветов. Только и всего. Оголились ветки, но вот они — юные листья. И сроки пребывания в Париже почти совпадают. Ну что ж, что там несчастная любовь, а здесь счастливая: дочь, муж. Что ж, что не похожи они по характеру, как раз так и влюбляются.

Она вновь выходит во французский сад с двумя книгами — Чеховым и Набоковым — и читает тексты параллельно.

«А вдруг я сплю! Видит бог — я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала...»

— Париж они, видимо, тоже любили.

— Любили, любили... и здесь ее взгляд падает на страничку другой книги. Там стихи, написанные в двадцать втором, но точно соответствующие состоянию нашей героини.

— Которой?

— Я уже не различаю.

— «...Мои деревья, ветер мой и слезы чудные, и слово непостижимое: домой!»

— Что ж, домой, так домой. Я пойду вытаску лодку, а ты посмотри — там что-то написано на обороте фотографии.

«По возвращении в Москву я позвонил Марине Мстиславовне вечером после спектакля «Вишневый сад», где ее Раневская была хороша, и напомнил сюжет, который в парке усадьбы Альфреда Мюссе. Она была растрогана и охотно отвечала на мои вопросы. Шли часы... Вопросы становились короче, однако она, как человек вежливый, говорила подробно и заинтересованно».

«...Утром проснувшись, я с ужасом услышал ровные погулки. Телефонная трубка лежала на моей подушке. Неужели я уснул во время беседы с этой женщиной?!»

Какой стыд!

Вероятно, я очень устал от полетов. Но как быть, если и прекратит их нет сил?

В.Ш.»

— Кажется, это предсмертная записка, Арсеньев?

— Было бы жаль, непохожий фотограф. Снимал довольно резко.

В это время круглая тень медленно проскользнула по нашему лагерю. Задрав головы, мы увидели глаз объектива, торчащий из гондолы. Мы тотчас заняли позы. Поскольку ни Чехова, ни Набокова у нас с собой не было, я поднял двадцатиграммового язя, а Арсеньев отечественную надувную лодку, свидетельствующую, что мы тоже любим родину, и застыли на мгновение. Для истории. Точнее, для других историй.

— А что, — сказал Всеволод Михайлович, — тут ивняка полно, а сплести корзину — пустяк... И лети!

Юрий РОСТ

